

МЯТЕЖ КАК ФОРМА ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ СОЛДАТСКОЙ МАССЫ В ЭПОХУ ПРИНЦИПАТА

Явление солдатского мятежа в римской армии тесно связано с процессом ее профессионализации и ростом политической значимости. Стремлением Августа «деполитизировать» войско была вызвана военная реформа, одним из составляющих которой было массовое увольнение в отставку ветеранов участников гражданских войн.

Во времена Республики проявление политической активности солдат, в частности, если говорить о периоде гражданских войн 40-30-х гг. до н. э., когда солдаты открыто навязывали свою волю командирам и сенату (App. Bell. civ. V, 23, 46-47; Cic. Ad fam. XI, 10, 4; Cass. Dio. XLVIII. 10, 11), источниками в категориях мятежа (*seditio, tumultus, turbulentus*) не оцениваются. Иначе - в эпоху Империи. Это закономерно: с означенной августовской «деполитизацией» армии, «освобожденной» от присутствия солдат, принимавших участие в гражданских войнах, спонтанность действий солдатской массы должна была возрасти. Российский исследователь социально-психологических характеристик римской армейской среды I—II вв. А. В. Махлаюк справедливо обращает внимание на то, что у авторов эпохи Принципата волнения солдатской массы освещаются с помощью понятий, указывающих на асоциальность мятежного войска (*Махлаюк А. В. Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности. Нижний Новгород, 2000. С. 52-53*). Действительно, Тацит характеризует солдатскую среду как *vulgus* - «чернь» (Tac. Hist. 1. 80), изначально склонную к бунту (Tac. Hist. 1. 69), не способную к самостоятельному принятию решений (Hist. IV. 37), склонную к крайностям (Tac. Hist. II. 29, 37; App. I. 22, 3). Интересно, что еще в период до реформы Мария возникает тенденция оценивать войско с помощью понятия «толпы». Так, у Плавта солдатская масса - *turba* - противопоставляется тем, кто принимает решения - командирам (Plav. Amph. 224).

К определению перманентной мятежности солдат через их плебейское происхождение у авторов I—III вв. добавляется версия о варварстве воинов. «Для Диона Кассия, Геродиана и *Scriptores Historiae Augustae* иллирийские легионы Септимия Севера... выглядели как самые настоящие варвары со всеми коннотациями грубости, кровожадности, дикие видом и речью» (см. Cass. Dio. LXXIV. 2.6; Herod. II. 9.11; VII. 6. 1; SHA. Did. Iul. 6.5). Еще более акцентирует внимание на сходстве солдатской среды с варварской Тацит.

Вместе с тем авторы императорского времени, сколь бы негативно ни относились к мятежной солдатской массе, по сути своими сообщениями сви-

детельствуют о наличии определенной программной линии в требованиях и поведении мятежных войск. Так, Веллей Патеркул, повествуя о мятежах легионов, имевших место в 14 г., пишет: «Войско, действовавшее в Германии и находившееся под непосредственным командованием Германика, и одновременно легионы, находившиеся в Иллирике, будучи охвачены каким-то бешенством и ненасытной страстью к беспорядкам, потребовали себе нового военачальника, новый устав, новое управление. Они даже осмелились утверждать, что дадут сенату, принцепсу законы, и сами попытались установить себе размер жалования, сроки службы» (Veil. Pat. II. 125. 1-2).

Иначе говоря, солдаты, выступая на первый взгляд совершенно стихийно с требованиями социального характера, не останавливались ради удовлетворения таковых и перед решительными действиями уже по сути политического характера. Вероятно, именно так следует понимать угрозу «дать законы». Отсюда допущение элемента не абсолютной спонтанности действий мятежных солдат.

Относительно социальных требований солдат авторы высказываются достаточно определенно. Это прежде всего уже упомянутые увеличение жалования и сокращение сроков службы. У Тацита приводится также версия о таком мотиве бунта, как «надежда на добычу в междоусобной войне» (Тас. Ann. I. 16). Однако последнее можно отнести на счет крайне негативного отношения Тацита к черни вообще. Гораздо убедительнее указания на «жестокость центурионов» (Тас. Ann. I. 23, 31). В ходе упомянутого мятежа германских легионов солдаты, обращаясь к Германику, приводят достаточно длинный список претензий. Бунтующие солдаты в ответ на вопрос о причинах возмущения «обнажают тела, укоризненно показывая ему на рубцы от ран, следы плетей; потом они наперебой начинают жаловаться на взятки, которыми им приходится покупать увольнение в отпуск, на скудость жалования, на изнурительность работ, упоминают вал и рвы, заготовку сена, строительного леса и дров» (Тас. Ann. I. 35).

Требование отмены или во всяком случае облегчения обязанностей, связанных со строительными и другими работами, представляется тем более симптоматичным для характеристики солдатского мятежа, что именно посредством работ в римской армии традиционно поддерживалась дисциплина. На этот счет достаточно красочные примеры и рекомендации дают «теоретики» военного строительства Фронтин и Вегеций (Front. Strat. I. 9; IV. 1; Flav. Veg. III. 4). Выступая за ограничение работ, солдаты таким образом выступали с требованием изъятия принципиального элемента римского армейского этоса - дисциплины.

Вообще праздность солдат, как это представлялось современникам, являлась одной из важнейших предпосылок солдатского своеволия (Тас. Aim. II.

55; XIII. 35; SHA. Pes. Nig. 3.10-11; Avid. Cass. 5.2; Alex. Sev. 53.2, 7), Однако данная позиция авторов не отменяет программной сути социальных требований солдатской массы, которые в основном были ориентированы на достижение достойной награды по итогам службы. Не случайно во время встречи Германика с мятежными солдатами германского войска «громче всех шумели в рядах ветераны» (Тас. Ann. 1.35). О требованиях в части воздаяния по выходу в отставку Тацит сообщает, передавая слова солдат восставших легионов Паннонии: «А если кто, несмотря на столько превратностей, все-таки выживет, его гонят к тому же чуть ли не на край света, где под видом земельных угодий он получает болотистую трясиину или бесплодные камни в горах». Не менее актуальными для воинов были гарантии освобождения их от несения воинской повинности после отставки в качестве вексиллариев (Тас. Ann. I. 17).

Очевидно, что если исключить примеры заговоров командиров с целью государственного переворота (*cupidum novatum regum*), в частности командиров преторианцев (Сеяна, Афрания Бурра), найти в источниках прямое указание на самостоятельное политическое творчество мятежных солдат в I – II вв. сложно. До Септимия Севера солдаты легионов, т. е. не преторианцы, редко становились субъектом принятия решений по кандидатурам на высшую власть в государстве. Как исключение для периода Юлиев-Клавдиев представляется момент в развитии бунта германских легионов в 14 г., о котором пишет Светоний: «Германские войска не желали даже признавать правителя (Тиберия. — С. Т.), не ими поставленного, и всеми силами побуждали к захвату власти начальствовавшего над ними Германика, несмотря на его решительный отказ» (Suet. Tib. 25. 1-2). Положение постепенно менялось, что было связано с ухудшением материального положения солдат ко второй половине II в. Далее, начиная с мятежа, приведшего к власти Максимиана Фракийца, возникает обычай, когда легионеры «принуждают» императора взять власть, прибегая при этом даже к угрозам физической расправы (см. Herod. VI. 8-9).

И вполне закономерно, что Вегетий, используя, очевидно, сочинения авторов I – II вв., пишет о солдатском мятеже, что «никогда вся масса по единодушному решению не нарушает порядка». Однако он же указывает, что эта солдатская масса «подстрекается немногими, которые надеются на безнаказанность за свои пороки и преступления в случае, если их вину разделят многие» (Flav. Veg. III. 4). В тацитовом рассказе о восстании в паннонских легионах упоминаются некоторые возможные вожаки выступления. Таким агитатором, призывавшим к мятежу, был «некий Перценний, в прошлом глава театральных клакеров, затем рядовой воин, бойкий на язык и умевший благодаря своему театральному опыту распалать сборища. Людей бесхитростных и любопытствовавших, какой после Августа будет военная служба, он исподволь разжигал в ночных разговорах или, когда день склонялся к закату, соби-

рал вокруг себя, после того как все благоразумные расходились, неустойчивых и недовольных» (Тас. Ann. I. 16).

Подобный же тип зачинщика мятежа представляет собой другой агитатор бунта, некий рядовой воин по имени Вибулен (Тас. Ann. 1.22).

Хотя в данных примерах трудно усмотреть наличие стройной организации с заранее продуманным планом действий, направленных на политические перемены, однако сам факт сохранения данных имен в сообщении Тацита может быть косвенным указанием на достаточную активность Перценния и Вибулена, а также их единомышленников. Во всяком случае в представленных Тацитом примерах угадывается отнюдь не спонтанность и очевидная долговременность действий прежде всего агитаторов типа Перценния. Косвенным указанием на некое подобие активного ядра восстания является разделение Тацитом участников мятежа на группы по степени включенности в действия, направленные против командиров (Тас. Hist. I. 52).

Таким образом, как нам представляется, возможна некоторая корректировка в целом справедливой точки зрения А. В. Махлаюка относительно стихийности мятежей в легионах эпохи Принципата (*Махлаюк А. В. Auctor seditionis. К характеристике военного мятежа в Древнем Риме//Право в средневековом мире. Вып. 2-3. СПб., 2001. С. 291*).

Как бы там ни было, солдатский мятеж эпохи Принципата представляется явлением, характеризующим рост осознания солдатами профессионализирующегося войска своих корпоративных интересов, зачастую входивших в противоречия с интересами не только государства, но и командиров (включая центурионов), обеспечивавших связь солдатской массы с государством и невоенным окружением.